

Позже первыхъ трехъ нашихъ славянскихъ путешественниковъ отправился къ славянамъ казанскій профессоръ Викторъ Изановичъ Григоровичъ. Его путешествіе стоитъ особнякомъ. Только одинъ онъ отважился на подвигъ необыкновенный по своей смѣлости, начавши свое путешествіе не изъ обычнаго для его предшественниковъ стараго средоточія славянской науки и духа славянскаго въ центрѣ Европы—Чешской Праги, а съ малодоступной, неизвѣданной турецкой провинціи, въ отношеніи литературныхъ богатствъ и языка вовсе неизслѣдованной Македоніи, давно, но тщетно манившей и Добровскаго и Шафарика. Славянскіе путники не заглядывали въ эту страну, о населеніи ея мы знали весьма мало, а между тѣмъ, какъ совершенно правильно указаль біографъ Григоровича, именно болгарская стихія должна была въ 1820-1840 годахъ по разнымъ причинамъ привлекать къ себѣ преимущественное вниманіе славистовъ. Во-первыхъ, въ началѣ XIX ст. усердно разбирался вопросъ, какому племени принадлежалъ тотъ языкъ, на который въ IX в. по словамъ легенды Кирриль и Меѳодій переводили священное писаніе, и одно изъ намѣчавшихся рѣшеній видѣло въ немъ нарѣчіе болгарское. Во-вторыхъ, объясненіе Востоковымъ (въ 1820 г.) звукового значенія юсовъ (носовыхъ) вызывало естественное желаніе имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія о болгарскомъ языкѣ, о которомъ нѣкоторые данныя сообщилъ Вукъ Караджичъ въ 1822 г. въ своемъ Прибавленіи къ петербургскимъ Сравнительнымъ словарямъ. Далѣе, пытливость изслѣдователя старой славянской письменности должны были возбуждать тѣ открытія въ области древне-болгарской литературы, съ которыми познакомилъ ученый міръ по сокровищамъ русскихъ библіотекъ Калайдовичъ въ своемъ монументальномъ изслѣдованіи „Іоаннъ Ексархъ Болгарскій“ (1824 г.). Можно было надѣяться, что на родинѣ св. первоучителей найдутся еще и другіе памятники ихъ дѣятельности ихъ эпохи. Русскіе ученые при этомъ имѣли изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія о рукописныхъ богатствахъ аеонскихъ и другихъ монастырей, о преступной невѣжественной небрежности владѣльцевъ рукописей, о гибели многихъ памятниковъ, и эти свѣдѣнія внушали любителямъ древности мысль о необходимости спасти, по мѣрѣ возможности, хоть нѣкоторые памятники.

Шафарикъ въ 1836 г. узналъ изъ нѣмецкой газеты о томъ, что лѣтомъ 1835 г. русскій дипломатъ Давидовъ, вмѣстѣ съ переводчикомъ русскаго посольства въ Константинополь Френомъ (Frähn) и зааменитымъ художникомъ Брюловымъ предприняли поѣздку на Св. Гору, и здѣсь Давидовъ нашель въ библіотекѣ